

Г. КОНЕЧНА

АССИМИЛЯЦИЯ И ДИССИМИЛЯЦИЯ

Языковеды обычно стремятся обобщить огромное разнообразие фонетических явлений.

М. Граммон в своих «Очерках по фонетике» (M. Grammont, *Traité de phonétique*, Paris, 1933) подчеркивает, что любые фонетические изменения во всех языках мира подчиняются одним и тем же общим законам, возникают как естественный результат господствующих в языке общих фонетических тенденций. Отличающиеся друг от друга изменения, происходящие в разных языках в одну и ту же эпоху, а также различные преобразования, которым подвергается данный язык на разных этапах его развития, зависят от специфики фонетических систем отдельных языков в различные эпохи.

Изменения могут быть самостоятельные и зависимые. Зависимые изменения Граммон подразделяет на ассимиляцию, дифференциацию и инверсию (при взаимодействии соседних звуков) и на дилацию, диссимилиацию и метатезу (которые возникают в результате взаимодействия звуков, не находящихся в непосредственном соседстве). Эти изменения совершаются по праву сильного. Ассимиляция и дилация сводятся к распространению одного или двух артикуляционных движений за пределы первоначальной области их действия, тогда как дифференциация и диссимилиация вызывают в конечном счете перерыв, перебой в каком-либо артикуляционном движении внутри одного звука или группы звуков. Ассимиляция и дилация возникают из ослабления артикуляции; дифференциация и диссимилиация вводят усиление артикуляции. Граммон считает, что причиной диссимилиации (в широком смысле) является бессознательный страх перед ассимиляцией, которая могла бы чрезмерно изменить фонетический облик слова. Диссимилиация противопоставляет этой опасности либо подчеркивание различий в характере частично похожих друг на друга звуков, либо развитие фонетического явления, зародыш которого спонтанно появляется между двумя звуками. Следовательно, по Граммону, диссимилиация всегда имеет характер предохранения, предупреждения.

Действительно ли существуют в языках два рода наиболее важных принципиально противопоставленных фонетических явления — ассимиляция и диссимилиация?

Обратимся к обзору наиболее существенных фонетических изменений в истории польского языка.

Факты памятников письменности северо-западнославянских языков, изучение фонетики современного польского языка, а в большой степени также и диалектологические исследования свидетельствуют, что, видимо, уже в пралехитскую эпоху появилась тенденция к дифтонгондальному произношению всех гласных, причем гласным переднего ряда предшествовала быстро ослабевающая преятация, а гласным заднего ряда — такая же лабиализация: $i\bar{i}$, $i\bar{b}$, $i\bar{e}$, $i\bar{y}$, $i\bar{o}$; $u\bar{u}$, $u\bar{b}$, $u\bar{y}$, $u\bar{o}$ (именно такой

дифтонгоидальный характер сохранился до сегодняшнего дня в русском языке в гласных *e* и *o*). Только гласный *a*, очень широкий и лишь в незначительной степени оттянутый назад, не подвергался ни лабиализации, ни прејотации, хотя в абсолютном начале слова, вследствие смещения с *ia*, восходящим к **iě*, этот гласный мог приобретать вторичный палатальный элемент.

Таким образом, в раннюю эпоху препалатально-делабиальная артикуляция противопоставлялась велярно-лабиальной, и в этом смысле можно говорить о препалатально-делабиальном и велярно-лабиальном комплексах. Центр тяжести артикуляционной энергии мышц органов речи в эту эпоху все сильнее передвигался на начало гласного, в процессе же произношения гласного эта энергия быстро убывала. В свое время это повлияло на исчезновение исконных так называемых уменьшающихся дифтонгов (*og, eg, oi, ei*), привело к метатезе в группах *tort, tolt, tert, telt* и к переходу *om, on, em, en* в *o, e*, а также вызвало другие изменения, тесно связанные с утратой закрытых слогов.

Резко дифтонгоидальный характер гласных пралехитской эпохи должен был повлиять на произношение предшествующих согласных. Все согласные, которые предшествовали гласным переднего ряда, подверглись значительной палатализации, в то время как в позиции перед гласным заднего ряда они сохранили прежнее место артикуляции с добавлением лабиального элемента. Артикуляция *j*, с которого начинается гласный, должна быть подготовлена раньше, еще во время произнесения согласного; в конце концов *j* частично или полностью поглощался этим согласным, что соответствующим образом изменяло первоначальную артикуляцию согласного.

В самой тесной связи с дифтонгоидальным характером северославянских гласных и сильной препалатализацией согласных перед гласными переднего ряда находится фонетическое явление, известное под названием пралехитской перегласовки (калька немецкого термина «Umlaut»), то есть перехода *ě* в *'a*, *'e* в *'q*. *ě* в *'o* в позиции перед твердым переднеязычным согласным (*t, d, s, z, n, r, l*). Именно потому, что согласные, предшествующие гласным *ě, 'e* или *ě*, все более поглощали его переднепрепалатальную артикуляцию, гласный постепенно утрачивал свои характерные черты, сохраняя только соответствующее положение задних частей языка. В результате образовались сильно палатализованные согласные и депалатализованные гласные с соответствующим образом поднятой в задней части полости рта задней частью (корнем) языка. Таким образом, широкие *ě* и *'e* преобразовались в низкие, слегка продвинутые назад *'a, 'q*, в то время как более узкое *ě* изменилось в *'o*. В этом последнем случае к резко задней артикуляции должно было присоединиться округление губ (лабио-велярный комплекс).

Конечно, такая депалатализация происходила только тогда, когда последующий согласный не был палатальным, так как в противном случае передний характер гласного всегда находил сильную поддержку. Среди так называемых твердых согласных наибольшее депалатализующее воздействие оказывали те согласные, при произношении которых средняя часть языка должна быть всегда в известной степени вогнута, то есть именно перечисленные выше переднеязычные. В качестве примеров можно привести современное чередование гласных: *lato* «лето» — *w lecie* «летом»; *wiadomy* «известный» — *wiedzieć* «знать»; *ciasto* «тесто», *w cieście* «в тесте»; *biały* «белый» — *bielić* «белить»; *wiano* «приданое» — *wieniec* «венец», *wiara* «вера» — *wierzyć* «верить»; *mioła* «метла» — *miecie* «метет»; *wiozę* «везу» — *wiezie* «везет»; *niosę* «несу» — *niesie* «несет»; *popiół* «пепел» — *w popiele* «в пепле»; *pióro* «перо» — *pierze* «перья» (пралехитская перегласовка *'e*

в 'q в старопольскую эпоху значительно утратила свою четкость и в настоящее время примеры этого чередования можно было бы привести только из других лехитских языков).

Правильность такого именно объяснения перегласовки подтверждают как палатографические и рентгенографические исследования, так и анализ акустического строения гласных¹. Здесь нельзя видеть диссимилиции, каких-либо результатов неосознанного страха перед ассимиляцией; рассмотренное явление — артикуляционный процесс, состоящий из многих следующих друг за другом этапов перераспределения работы мышц языка, вследствие естественного стремления к облегчению артикуляции. Возникающие 'a, 'q или 'o — это те составные элементы прежних 'ě, 'e, 'ě, которые не были поглощены сильно палатализованными предшествующими им согласными. Таким образом, здесь мы имеем дело с особым типом ассимиляции, вызванным сильной тенденцией к дифтонгоидальному произношению гласных. Между тем, по Граммону, здесь наряду с ассимиляцией согласных проявляется диссимилиция гласных (ср. его объяснение старофранцузского перехода *ei* в *oi*, стр. 230—231). Подобное же объяснение возможно для перегласовки ударного 'e в 'o в русском языке и раннего перехода начального *ie* в *o*, например западно- и южнославянские *jesień*, *jezioro* — восточнославянские *осень*, *озеро*.

Современные польские диалектологи чаще всего называют расподоблением — диссимилиацией наблюдающийся в западнопольских и кашубском говорах переход общепольского *o* в *ue*, например *oko* > *uekie* «глаз», *pole* > *p^uele* «поле» и т. д. В действительности здесь происходит передвижение лабио-велярного элемента при дифтонгическом типе вокализма на начальную фазу артикуляции гласных заднего ряда. (В польских говорах до сих пор очень распространено произношение *o* как ^u*o* или даже *yo*). В момент, когда заканчивается артикуляция, основанная на сильном округлении губ², конечная часть гласного преобразуется в передний гласный такой же высоты, как *o*, то есть в *e*³.

Ничего общего с диссимилиацией не имеет также весьма редкое в истории языков явление — переход *ñ* в *š*; поляки издавна произносят исконное *ñ* в группе *kne-* как *ś* (ср. *ksiądz* «ксьєндз», *książe* «князь», *książka* «книга»). Это просто опоздание в движении мягкого нёба, которое опускается до соответствующего уровня лишь при артикуляции последующего носового гласного *ɛ*, и оглушение лишённого носовой артикуляции *ñ* под влиянием предшествующего *k*. От первоначального *ñ* здесь хорошо сохранилось только препалатальное произношение.

Рассмотрим факты, касающиеся старопольского изменения долготы гласных. Произношение долгих гласных, естественно, требовало увеличения артикуляционной энергии. Когда в определенной группе славянских языков, в том числе и в польском, стала действовать сильная тенденция к утрате прежних различий в долготах (что произошло, вероятнее всего,

¹ См.: С. Stumpf, *Die Sprachlaute*, Berlin, 1926; H. Konieczna, *Próba objaśnienia przegłosu w językach słowiańskich*, «Sprawozdania z posiedzeń T-wa naukowego warszawskiego», wyd. I, roczn. XXV (1932), zes. 7—9, Warszawa, 1933; S. Skorupka, *Studia nad budową akustyczną samogłosek polskich*, Wrocław, 1955.

² В польском языке нельзя произнести *o*, не округляя губ. Ср. об акустическом строении гласного *o* в работах Ц. Штумфа и С. Скорупки, а также рентгенографические снимки этого гласного в работах Г. Конечной.

³ Подобное явление наблюдается в украинском языке. Ср. различные диалектные варианты: *k^uoi*, *kuei*, *kuui*, *kii*, в которых вследствие исчезновения лабиовелярного элемента появляются гласные делябиально-препалатального типа.

в эпоху утраты первоначальных пнтонаций), в польском языке она осуществлялась при одновременной компенсации этой утраты усиленной работой мышц языка¹. Эта компенсация количественных данных качественными привела к тому, что прежнее, слегка продвинутое назад *ā* преобразовалось в *ā* или даже в *o*; *ā* в *o*; *ō* в *ō* или в *u*; (¹)*ē* в (¹)*ē* или даже в ¹*i*, *y*.

Так называемое «заменительное продление» в польском языке охватило лишь гласные в позиции перед звонкими согласными, более слабыми артикуляционно и более краткими сравнительно с глухими согласными. Находящиеся в конце и в середине слова полугласные *ъ* и *ь* в слабой позиции, исчезая, вызвали удлинение гласного предшествующего слога. Таким образом, хотя слово и сокращалось на один слог, долгота слова в целом сохранялась без изменений за счет выравнивания долготы фонетических элементов внутри слова². Ср. старопольские и диалектные *sąsiad* «сосед», но *brat* «брат»; *rąz* «раз», но *pas* «пояс»; литературное *zab* [zɔb] «зуб», но *sęp* «коршун»; *wąz* [vɔʒ] «уж, змея», но *kęs* «кусок», старопольские и диалектные *śnieg* «снег», но *wiek* «век»; *chleb* «хлеб», но *ser* «цеп», литературные *miód* «мёд», но *pot* «пот», *wóz* «воз», но *kos* «дрозд», а также *rój* «рой», *strój* «одежда, убранство», *bór* «бор», *wór* «менок», *wół* «вол», *mól* «моль», *sól* «соль», а в говорах и в старопольском языке также *dóm* «дом», *kón* «конь». Экспериментально-фонетические исследования подтверждают, что процесс осуществляется именно таким образом, и подвести его под понятие диссимилиации нельзя³.

Граммон усматривает процесс диссимилиации также в появлении в разные эпохи в различных языках энетических звуков, например *t*, *d*, которые возникают внутри групп *s — r*, *z — r*, *m — r*, *n — r*. Эти энетезы «вырастают» в положении перед переднеязычным дрожащим *r*, т. е. перед согласным, артикуляция которого трудна для детей, а нередко недоступна и взрослым. При произнесении групп согласных, состоящих из *s*, *z* + *r* и *m*, *n* + *r*, необходима особая четкость артикуляции, чтобы сохранить характер каждого элемента. Переход от переднеязычно-зубной узкой щели к переднеязычной вибрации требует сильного и принципиального изменения положения кончика языка. Если при таком резком переходе хотя бы на самое краткое время задержать кончик языка в положении, соответствующем первому соприкосновению с деснами при *r* (вследствие слишком малой разрабатанности продольных мышц языка), то возникнет зародыш *t* или *d*. Отсюда ранние *ostrь*, *ostrovь*, *strumь*; польские *ostrь*, *ostrów*, *strumień* и новые польские *zdrada* «измена», *zdrój* «источник» и так далее. Я знала женщину из деревни Лазинки в окрестностях Ловича,

¹ См. Н. Конечна, *Zasada kompensacji w artykulacji głosek polskich*, «Sprawozdania z posiedzeń Komisji Językowej T-wa naukowego Warszawskiego», t. I, Warszawa, 1937. Экспериментальные исследования показывают, что существует постоянная взаимозависимость между степенью открытости гласных и суммой вложенной в их произношение энергии — чем выше гласный, тем больше работа мышц языка.

² Следует, однако, помнить о том, что в живом языке длительность гласных подвергается значительным колебаниям в зависимости от различных факторов, между прочим от соседства звуков в слове. Ср.: Н. Конечна, *Studjum eksperymentalne artykulacji głosek polskich*, «Prace filologiczne», t. XVI, Warszawa, 1934; с. е. же, *Wzdluzenie zastępcze*, «Księga referatów [II Międzynarodowego zjazdu slawistów]», Sekcja I, Warszawa, 1934.

³ Полагаем, что белорусское и великорусское так называемое диссимилативное акание объясняется не диссимилицией, а различиями в количественных признаках гласных. Белорусское *съдъ*, но *сдъ* объясняется тем, что гласный *a* является по своей природе предельно долгим и вызывает более сильную редукцию предударного гласного. Количество гласных располагается в следующем порядке: *a* — самый долгий; *e*, *o* — средней долготы; самыми краткими являются *i*, *y*, *u*.

которая постоянно произносила *zdrucić* вместо диалектного *zrucić* «сбросить», *z drowu* (*z rowu*) «из рва», *z drusk'emy* (*z Ruskimi*) «с русскими» и так далее.

Слишком рано произведенное поднятие мягкого нёба и закрытие прохода к полости носа в связи с приготовлениями к трудному в артикуляционном отношении *r* преобразовывает группу *nr* в *ndr* в таких словах, как *Hendryk*, *Kondrad*, *Undra* «UNRA»; из более ранних форм можно привести здесь еще *peđrak* «личинка»; то же самое произошло когда-то во французских *nombre*, *chambre* (из латинских *numerus*, *camera*). Таким образом, и здесь мы имеем дело не с бессознательным стремлением избежать ассимиляции, а со стремлением уменьшить трудности артикуляционных переходов в редко встречающихся группах согласных. Вероятно, вначале эпентетические согласные выступали при произношении таких групп спорадически, лишь у некоторых индивидуумов. Свообразными упрощениями, облегчающими артикуляцию, можно также объяснить различные изменения в старопольских группах *śř*, *źř* в середине и в начале слова, а также переход *św*, *źw* в говорах в *św*, *źw*.

Граммон приводит еще в качестве примеров диссимилиации различные способы интервокальных, в особенности щелевых согласных, которые в этой позиции вследствие ассимилятивного действия гласных могут также и ослабевать вплоть до полного исчезновения (стр. 236). Подобные явления свойственны и польскому языку.

В Великопольше очень распространено озвончение интервокального *x*, например *siucham* (*siucham*) «слушаю», *na dachu* (*na dachu*) «на крыше», *kořany* (*kořany*) «любимый». В подхалинском диалекте *x* перед следующей гласной может ослабевать, переходя в звонкое *h* или даже исчезая: например в деревне Буковина я слышала: *suchu* (*suchy*) «сухой», *ćicho* (*cicho*) «тихо», *puřochu* (*pořochochy*) «чулки», *z ruřisk'ego v'eru* (*z Rusin'skiego wierchu*) «с Русинского верху», *sowali* (*schowali*) «спрятали», *ođ'by* (*choć'by*) «хотя бы», *s ustek* (*z chustek*) «из платков». В тех случаях, когда *x* является необходимой составной частью морфемы, например, во флексии родительного и местного падежа множественного числа местоименного склонения, или входит в состав окончания первого лица единственного числа прошедшего времени, — оно не может быть утрачено. Чаще всего оно усиливается в наиболее близкий с точки зрения акустики, но более сильный артикуляционно губно-зубной согласный *f* или заднеязычный *k*, в котором хотя и сохраняется первоначальное место артикуляции, но значительно усиливается работа мышц языка. Эти изменения происходят вследствие того, что заднеязычно-велярное *x* в такой слабой позиции, как абсолютный конец слова, не может озвончаться. В этих говорах в других положениях оно может полностью исчезать. Ср., например, *io byłak f pęću stawak* «я была у Пяти Озер»; *stysotek* «я слышал»; *mef* «мох»; *dař* «крыша»; *straf* «страх».

В центральных, восточных и западных областях Польши встречаются островки говоров с интервокальным *s* (*ś*), усиливающимся в *ss* (*śś*); например: *bosso* «босиком», *rossa* «роса», *do lassa* «в лес», *wleśśe* «в лесу», *wessac* «вешать», *wiśśi* «висеть», *ussi* «уши». В этом случае мы имеем дело с усилением звука, артикуляция которого находится под угрозой вследствие занимаемой им в слове позиции. Это явление имеет реликтовый характер, оно наблюдается лишь в определенных лексемах. Видимо, на каком-то этапе развития польского языка действовала тенденция (не посягающая, однако, всеобщего характера) к ослаблению щелевых согласных в интервокальном положении, перед согласными и в абсолютном конце слова. Ведь во многих языках *x* может исчезать полностью, а *s* может переходить в *z* и, наконец, в *r* (ротацизм). Но можно ли назвать дисси-

милицией усиление артикуляционного нажима на слабнувший звук с целью сохранить первоначальный фонетический облик слова?¹

Несмотря на установившееся в науке соответствие, термины «ассимиляция» и «диссимиляция» имеют по существу несоотносимое содержание: «ассимиляция» указывает не только на результат процесса, но и на самую сущность явления, в то время как «диссимиляция» (или «дифференциация») подчеркивает лишь результат изменения, при этом неправильно его характеризует. Мне кажется, что до сих пор различные явления определялись термином «диссимиляция» только потому, что сущность этих явлений оставалась неясной. Лучше было бы отбросить «диссимиляцию» — и как термин, и как понятие.

Граммон и все те языковеды, которые видят главные причины своеобразия артикуляционной базы каждого языка и источник постоянных исторических изменений этой базы во влияниях различных, постоянно изменяющихся артикуляционных тенденций, вполне правы.

Чем более детально путем экспериментальной фонетики будут выявлены физиологически-артикуляционные, акустические и аудиологические особенности фонетических систем различных языков, тем легче будет ориентироваться в типах артикуляционных баз этих языков, тем точнее можно будет определить господствующие в них фонетические тенденции.

¹ Усиление согласных путем повышения их артикуляции часто может выступать как следствие сильной палатализации; ср. праславянские губные *pī, bī, vī, mī*, преобразовавшиеся в *pl'ī, bl'ī, ml'ī, vl'ī*; польские *p', b', v', m'* произносятся в Вармии на Мазурах и в Курпях как *ps', bž, vž, mī*. Аналогичные явления встречаются и в настоящее время в румынском языке, где *pī* переходит в *pk'*. В белорусском и украинском некоторые палатализованные согласные перед *i* даже удлиняются; ср. *аканне, життє, збожжє, бесілля, насіння, життя*. И эти явления также не носят характера диссимиляции.